

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ПЕТРОЗАВОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИЖЕВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. М. Т. КАЛАШНИКОВА

Информационные технологии и письменное наследие

El'Manuscript-2012

Материалы IV международной научной конференции
Петрозаводск, 3–8 сентября 2012 года

Петрозаводск, Ижевск
2012

УДК 004.9
ББК 81.11+81.2-0
И741

Изданы при поддержке гранта РФФИ (проект № 12-06-06061-г),
гранта РГНФ (проект № 12-04-14154-г) и в рамках реализации комплекса
мероприятий Программы стратегического развития ПетрГУ на 2012-2016 г.

Ответственные редакторы:

В. А. Баранов, д-р филол. наук, проф.

А. Г. Варфоломеев, канд. физ.-мат. наук, доц.

Информационные технологии и письменное наследие [Текст] :
И741 материалы IV междунар. науч. конф. (Петрозаводск, 3–8 сентября
2012 г.) / отв. ред. В. А. Баранов, А. Г. Варфоломеев. — Петрозаводск ;
Ижевск, 2012. — 328 с.

ISBN 978-5-8021-1402-5

Сборник содержит материалы конференции, посвященной современ-
ным электронным средствам хранения, описания, обработки, исследования
и публикации памятников письменности и исторических источников.

УДК 004.9
ББК 81.11+81.2-0

ISBN 978-5-8021-1402-5

© Петрозаводский государственный
университет, 2012
© Ижевский государственный технический
университет им. М. Т. Калашникова, 2012

ТРУДНЫЕ СЛУЧАИ МЕЖСЛАВЯНСКОЙ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ

К. В. Фёдорова

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань

Interslavonic interfection is considered to be one of the most difficult problems of comparative lexicology. The article is devoted to the problem of this phenomenon's place at the theoretical linguistics, its subtypes called homonymy and enantiosemy we should not mix and the most complicated examples of interfection in different Slavonic languages which can cause some misunderstanding in the field of learning foreign languages and translating as well.

К числу наиболее сложных проблем современной сравнительной лексикологии можно отнести межъязыковую интерференцию, понимаемую учеными-лингвистами как процесс наложения значений одного языка на другой и до сих пор остающуюся малоизученным феноменом. Мы склонны рассматривать данное явление не только в узком прикладном аспекте, как толчок к развитию переводческих ошибок или созданию помех при изучении близкородственного славянского языка как иностранного, но как фундаментальное свойство языка, на внутриязыковом и межъязыковом уровнях включающее в себя омонимию и энантиосемию.

Если иметь в виду, что энантиосемия и омонимия — разновидности интерференции, то необходимо отметить, что омонимия представлена в славянских языках гораздо более ярко и многочисленно. Считаем возможным ограничиться лишь несколькими примерами: рус., укр. булка — 'хлеб, обычно белый', болг. булка — 'невеста'; рус. злодей 'преступник, тот, кто совершает злодеяние' — укр. злодій, польск. złodziej — 'вор'; рус. простак — 'глупец', серб. простак — 'грубиян, невежа'; рус. мешкать — 'медлить', а укр. мешка-ти, польск. mieszkac — 'проживать'; рус. маломощный — 'малосильный', сло-вац. malomocny — 'прокаженный'; рус. беженец — 'человек, оставивший место своего жительства вследствие какого-либо бедствия', серб. беженац — 'холо-стяк'; рус. трус — 'человек, легко поддающийся чувству страха', белорус. трус — 'кролик'; рус. хитрый — 'изворотливый, лукавый', польск. chytry — 'жадный', чеш. chytrý — 'умный'; рус. дурно — 'плохо', укр. дурно — 'даром'; рус. подводник — 'моряк, служащий в подводном флоте, специалист по под-водным работам', чеш. podvodník — 'мошенник'.

Мы полагаем, что проблема межъязыковой омонимии, хотя и неоднозначно, но в принципе решена, во всяком случае, ей посвящено достаточно много научных исследований. Неясность вносит терминологическая путаница: авторы оперируют самыми разными определениями данного языкового явления, от описательных оборотов типа «ложные друзья переводчика» (фр. faux amis du traducteur), нем. "irreführende Fremdwörter", англ. "misleading words of foreign origin" [Köessler and Derocquigny, 1928] до формальных конструкций «ложные эквиваленты» [Андреев, 1962], «обманчивые языковые сходства» [Гросбарт, 1962], «слова-аналоги» [Вилюман, 1978], «гетеронимы» [Конечкая, 1968], «псевдо-аналогонимы» [Бунчич, 2000], и т. д. Э.А.Балалыкина говорит о явлении межъязыковой паронимии, термине, «по-ка еще не апробированном в этой области лингвистики». Стандартное определение подобных близкозвучных лексем в родственных языках как «межъязыковых омонимов», по ее мнению, нельзя считать правомерным, поскольку у подобных соответствий нет главного признака омонимии — полной со-звучности. Взгляд

на омонимию («паронимию») распространился и на энантиосемию. «Отсутствие полной фонетической идентичности межславянских соответствий не позволяет причислить это явление к разряду так называемой энантиосемии, которая носит внутриязыковой характер», — констатирует Э.А.Балалыкина [Балалыкина, 1995]. Однако, как кажется, в данных высказываниях не был принят во внимание тот факт, что созвучность межъязыковых энантиосем обусловлена регулярным характером фонетических соответствий в пределах звуковых оболочек сопоставляемых слов, так как они развились под действием исторических фонетических законов, достаточно подробно описанных в исследованиях по сравнительной фонетике славянских языков. Попутно заметим, что, критикуя термин «межъязыковая энантиосемия», автор тем не менее активно его использует в своих работах.

Закономерно объяснить нашу точку зрения относительно использования терминов, касающихся интерференции: отказавшись от употребления термина «межъязыковые паронимы» по описанным ранее причинам, мы различаем межъязыковые омонимы и энантиосемы, которые отличаются от так называемых «ложных друзей переводчика» тем, что совпадения и расхождения в семантике определяются здесь не случайностью, а общей этимологией лексем.

Принято считать, что объем дефиниции «ложные друзья переводчика» много шире, чем «межъязыковые омонимы» или «межъязыковые энантиосемы», т.к. включает в свой состав всевозможные лексические единицы, могущие вызвать неправильные ассоциации [Акуленко, 1969]. Мы же понимаем под термином «ложные друзья переводчика» — термином, надо заметить, неудачным, требующим замены менее абстрактным аналогом, — всегда не исконно славянские, а заимствованные из других (не близкородственных) языков слова. Наша мысль косвенно может быть подтверждена Р.А.Будаговым, который подмечал, что «одно дело, когда речь идет о несовпадении между неродственными языками, другое — между языками родственными, в свою очередь, в близкородственных языках создается иная ситуация, чем с родством более отдаленным» [Будагов, 1974]. Стоит заметить, однако, что явление развития различных — вплоть до полярных — оттенков в семантике слов общего происхождения может быть отмечено и у лексем заимствованных из неродственных языков, которые развили их в результате длительного семантического преобразования в системе заимствующего языка. Так, например, рус. *гонор* ‘заносчивость’ и польск. *honor* ‘честь, благородство’ — из лат. *honor* ‘честь’; рус. *диван* ‘предмет мебели для сидения, лежания’ и польск. *dywan* ‘ковер’ — результат развития из тур.-перс. *divan* ‘рабочий кабинет’ через франц. ‘ложе’; рус. *пасовать* ‘признавать себя неспособным справиться с чем-либо’ и польск. *pasować* ‘подходить, соответствовать’ — с франц. *je passe* ‘я пропускаю игру’ и т. д.

Однако темой нашего исследования являются исконно славянские лексемы, обнаруживающие этимологическую общность, но в процессе дальнейшей эволюции разошедшиеся в семантике. Чешский языковед Викентий Иванович Шерцль (1843–1906), в середине XIX века введший в научный обиход понятие энантиосемии, считал, что данное уникальное в своем роде явление унаследовано от древнейших эпох: «Многознаменательность, составляющая несомненное и весьма характерное свойство древних корневых

слов, оказывается ... одною из важнейших причин энантиосемии» [Шерцль, 1883]. С развитием мышления и языка такие значения дифференцировались и из общей сферы неопределенного понятия постепенно выделились более конкретные значения, переходящие в противоположность. По мнению Л.Р.Махмутовой, «...энантиосемия — это самостоятельное явление лексической семантики, характеризующееся совмещением в одной единице двух противоположных или близких к ним значений» [Махмутова, 2009: 5]. Поддерживая эту точку зрения, мы полагаем, что энантиосемия, наравне с омонимией, антонимией, синонимией, представляет самостоятельную категорию лексической семантики, поскольку ни одна лексико-семантическая категория не обладает столь объемной характеристикой, как энантиосемия: совпадением в плане выражения и полным расхождением в плане содержания.

Достойной внимания кажется дискуссия по поводу активности процесса энантиосемии в современном русском языке. Одни ученые считают энантиосемию непродуктивным явлением, «реликтом древних корней» [Новиков, 1973], другие — регулярным языковым явлением [Шмелев, 2009; Ермакова, 1984]. Высказывание Л.А.Новикова: «это явление непродуктивно в современном языке и служит в основном своеобразным реликтом древних корней» основывается на том, что энантиосем мало, к тому же энантиосемия мешает коммуникации еще больше, чем обыкновенная омонимия, так что язык старается вытеснить это явление. Эта позиция не нова: она следует за точкой зрения В. Шерцля, который высказал ее еще в прошлом веке: «Чем язык древнее и чем народ примитивнее, тем чаще встречается это явление» [Шерцль, 1883].

Вместе с тем, если мы говорим о внутриязыковых отношениях, энантиосемия в современных славянских литературных языках отнюдь не вымирает, о чем свидетельствуют новые данные, подтверждающие продуктивность этого феномена (ср. в русском молодежном жаргоне абзац «о чем-либо вызывающем резкое неодобрение»; «о чем-либо очень хорошо, вызывающем одобрение» [Никитина, 1998]. К тому же, как нам кажется, энантиосемы не представляют серьезной проблемы для коммуникации, «так как почти всегда нейтрализуются или речевой ситуацией, или контекстом» [Шанский, 1964]. Согласно концепции Л.В.Малаховского, энантиосемия — «явление полезное» [Малаховский, 1974]. А.Д.Шмелев полагает, что «энантиосемию неправильно считать редким и непродуктивным явлением, так как она представляет собою не курьез, который можно иллюстрировать несколькими изолированными примерами, не образующими никакой системы, а регулярное явление, основанное на некоторых общих принципах познавательной способности человека и человеческого общения» [Шмелев, 2009: 173]. Более того, по мнению И.А.Герасимовой, в современном мышлении энантиосемия вновь активизируется, но уже в связи с синтезирующими тенденциями в культуре, попытками объединить в одном понятии ранее разнородные смыслы [Герасимова, 2001].

Говоря о межъязыковой энантиосемии, особое внимание обращаем на такие межславянские соответствия, которые совпадают и в лексическом, и в словообразовательном плане, так как противоположные по значению лексемы являются производными в каждом из языков и оформлены морфемами общего происхождения. Наиболее показательным примером в этом смысле

являются приставочные глаголы: *отказать* (рус.), *отказати* (серб.), *отказвам* (болг.) – ‘отклонить просьбу, дать отрицательный ответ’; *odkazat'* (словац.) – ‘велеть, просить передать, велеть сказать, завещать, передать в наследство’. Здесь энантиосемия проявляется в противоположности значений ‘просить передать некую просьбу — отказать исполнить просьбу’. По данным «Словаря русского языка XI–XVII вв.» *отказати* — ‘заявить, сказать’ (XII–XIII в.), ‘ответить’ (XV в.), ‘ответить отрицательно’ (XVI в.), ‘заявить об отказе от чего-то’ (XV в.), ‘назначить, передать в чье-либо распоряжение’ (XVI в.), в XV–XVI веках — ‘перейти от одного владельца к другому в определенный законом срок (о крестьянах)’. В современном русском языке *отказать* – ‘отрицательно ответить на просьбу, требование.

Другой пример связан с оппозицией *убегать* (рус.) – ‘уходить от проблем, от вопросов’; *ubiegać* (пол.) – ‘ходатайствовать, добиваться’. *Убегать* по МАС — ‘сторониться, избегать кого-либо, чего-либо’ (ср. и тленья *убежит* А.С. Пушкина — в данном контексте теряется значение физического действия, ныне устар. конструкция). В этом случае речь идет о значении, появившемся в результате семантической трансформации. Польское *ubiegać* становится в энантиосемичную корреляцию с глаголом *убегать* только при условии, что русское *убегать* выступает не в прямом значении движения, а в переносном ‘уходить, удаляться (от проблем, от решения вопросов)’. Ты все время убегаешь от трудностей.

В современной лингвистике исследования, касающиеся проблем межъязыковой интерференции, до сих пор характеризуются противоречивостью и неоднозначностью. Теоретическая научная значимость контрастивных исследований подобного рода весьма существенна в общелингвистическом плане, так как способна существенно обогатить лексикологию и семасиологию, а анализ семантической структуры слов в зеркале других близкородственных языков с привлечением данных этимологии существенно способствует более глубокому и цельному пониманию законов родного языка.

В процессе исследования нами было установлено, что интерференция на межславянском уровне снижает эффективность того или иного языка как средства коммуникации. И, если на внутриязыковом уровне она не только не мешает, но и обогащает язык, так как может быть с успехом использована в качестве языкового средства художественной выразительности, служит базовым элементом для создания каламбуров, иронии, сатирического эффекта, то на межъязыковом — провоцирует ошибки в речи «неносителей» языка. Подтверждая данную мысль, отметим, что результаты работы могут найти практическое применение не только при составлении общего типологического описания всех славянских языков, курса контрастивной славянской лексикологии или сравнительных словарей и учебников славянских языков, но и в переводческой практике. Методологическое значение исследования проявляется в обучении студентов иностранным языкам, в частности, в курсе лингводидактики.

Список литературы

- Акуленко, 1969 — Акуленко В.В. О «ложных друзьях переводчика». Англо-русский и русско-английский словарь «ложных друзей переводчика». М.: Советская энциклопедия, 1969. С. 3–14.
- Андреев, 1962 — Андреев В.Д. Некоторые вопросы перевода на русский язык болгарской художественной литературы // Теория и критика перевода. Л., 1962, С. 133–147.
- Балалыкина, 1995 — Балалыкина Э.А. О словах с противоположными значениями в русском и польском языках. *Beitrage zur Slavistik XXVII Innerslavischer und slavisch — deutscher Sprachvergleich* — Peter Lang, Frankfurt am Mein, 1995. С. 211–218.
- Будагов, 1974 — Будагов Р.А. Человек и его язык. М., 1974.
- Бунчич, 2000 — Бунчич Д. Псевдо-аналогонимия: «Ложные друзья переводчика» как единица сопоставительной лексикологии // Материалы XXIX межвузовской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов. Вып. 11. Секция лексикологии и лексикографии (русско-славянский цикл) / Отв.ред. Л.И. Ивашко, И.С. Лутовинова. Санкт-Петербург, 2000. С.14–18.
- Вилюман, 1980 — Вилюман В.Г. Английская синонимика: Введение в теорию синонимии и методику изучаемых синонимов. М., 1980.
- Гросбарт, 1962 — Гросбарт З. О русских и польских словах, близких по звучанию и разных по значению ("межъязычные омонимы") // Материалы третьего международного семинара преподавателей русского языка стран социализма. М., 1962. С.228–238.
- Ермакова, 1984 — Ермакова О. П. Лексическое значение производных слов в русском языке. М., 1984.
- Конецкая, 1968 — Конецкая В.П. О понятии супплетивизма в его отношении к гетеронимии // Вопросы языкознания, 1968, № 2. С. 20–27.
- Малаховский, 1974 — Малаховский Л.В. О возможностях сравнительно-типологического исследования омонимии (к вопросу о семантических универсалиях) // Проблемы семантики. М., 1974. С. 272–278.
- Махмутова, 2009 — Махмутова Л.Р. Основные типы энантиосемии в современном русском языке: автореф. дисс. на соиск. уч. степ. канд. филол. наук. Казань: Изд-во Казан.ун-та, 2009.
- Никитина, 1998 — Никитина Т.Г. Так говорит молодежь: Словарь сленга: По материалам 70–90-х годов. 2-е изд. СПб.: Фолио-Пресс, 1998.
- Новиков, 1973 — Новиков Л.А. Антонимия в русском языке (Семантический анализ противоположности в лексике). М., 1973.
- Теория, 2001 — Теория и практика аргументации / отв. ред. И.А. Герасимова. М., 2001.
- Шанский, 1964 — Шанский Н.М. Лексикология современного русского языка. М., 1964.
- Шерцль, 1883 — Шерцль В.И. О словах с противоположными значениями (или о так называемой энантиосемии) // Филологические записки. Воронеж. 1883. Вып. V–VI, С. 1–39
- Шмелев, 2009 — Шмелев А.Д. «Незначашее» и «невывраженное» отрицание. (когнитивные и коммуникативные источники энантиосемии) // Логический анализ языка. Ассерция и негация. / Под ред. Н.Д. Арутюновой. М.: Индрик, 2009.
- Koessler and Derocquigny, 1928 — Koessler M., Derocquigny J. Les faux amis ou Les pièges du vocabulaire anglais. Paris, 1928.